

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-2-282-290

УДК 821.161.1

ОБРАЗ ИРИНЫ ТОМЧАК В КУБАНСКИХ ГЛАВАХ РОМАНА-ЭПОПЕИ «КРАСНОЕ КОЛЕСО» А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Цзюньжу Би

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, Москва, Россия, 119991

В настоящее время изучению типологии женских персонажей в эпопее «Красное Колесо» уделяется недостаточное внимание. Художественный мир, созданный А.И. Солженицыным, характеризует не только мужественность и мужское начало; не менее важную роль играют женские образы, созданные писателем. Следование классической литературной традиции обнаруживается в определенных типах женских характеров.

Ключевые слова: семейная история, система персонажей, прототип, традиционный женский образ, А.И. Солженицын, «Красное Колесо»

Одна из основополагающих традиций русской литературы состоит в исследовании русского национального характера. Женский национальный характер — важнейшая его грань.

Принято считать, что художественный мир А.И. Солженицына является преимущественно «мужским»: именно мужские характеры часто занимают центральное место в его творчестве. Но данное правило не всегда действует в художественном мире, воплощенном писателем. Так, именно женщина стала центральным персонажем в рассказе «Матренин двор» (1959), где впервые выявились основополагающие черты творчества Солженицына. Кроме образа Матрены Васильевны писатель в десятитомной эпопее «Красное Колесо» также создал ряд женских характеров, противоречивых и часто противопоставленных друг другу.

А.В. Урманов, известный исследователь творчества А.И. Солженицына, разделяет женские образы «Красного Колеса» на следующие типы: женщина-жена и дама-активистка. Ученый полагает, что женщина-жена, «...смысл существования которой — самоотверженное и беззаветное служение мужу, полное подчинение ему, абсолютное самопожертвование, живое и заинтересованное участие в осуществлении его жизненных задач» [1. С. 375], — один из самых распространенных типов женских образов в позднем творчестве писателя.

Подчеркивая черты сходства и различия в характерах мужских персонажей, В.В. Гуськов, который подробно изучил систему персонажей в романе-эпопее «Красное колесо», разделяет большинство мужских персонажей на два типа: функциональный и концептуальный. С его точки зрения, мужской характер также отражает собственные взгляды писателя на идеальную личность, поэтому иссле-

дователь считает, что категория рыцарства, как правило, связана лишь с характерной спецификой черт, присущих мужчине. Его определение функции женских образов близко к тому, что дает А.В. Урманов, особенно когда речь идет о типе «женщины-жены». В.В. Гуськов также отмечает, что «женщина же в представлении автора эпопеи — это хранительница семейного очага, хозяйка, мать и верная подруга своему мужу, его нравственная и эмоциональная поддержка и опора» [3. С. 44], вследствие этого он объединяет Ирину Томчак и Катену Благодареву в группу центральных положительных женских образов произведения, так как две героини созданы писателем в соответствии с перечисленными специфическими чертами.

Очень часто женский образ воплощает идеальные качества личности, как это происходит, например, практически в каждом произведении В.Г. Распутина, современника и во многом единомышленника А.И. Солженицына. Им создана целая галерея удивительных женских характеров, начиная от старухи Анны («Последний срок») и старухи Дарьи («Прощание с Матерой») заканчивая Марьей («Дочь Ивана, мать Ивана»). Распутин, как и Солженицын, уделяли особое внимание социокультурным обстоятельствам, которые оказывали влияние на женский характер, исследовали обязанности женщины, ее функции в семье и обществе. Создавая женские образы, оба писателя осмыслили то огромное влияние, какое оказывает женщина на людей, попавших в поле ее притяжения, соприкасающихся с нею.

Ю.М. Лотман отмечает, что «женщина с ее напряженной эмоциональностью, живо и непосредственно впитывает особенности своего времени, в значительной мере обгоняя его» [4. С. 46]. Одним из самых ярких примеров служит влияние матери на воспитание ребенка. Ее влияние начинается с самого начала существования малыша. Именно в течение беременности закладываются основные эмоции, которые переживала мать и которые вместе с нею переживались и ее будущим ребенком.

Как известно, некоторые сюжетные линии эпопеи основаны на истории семьи писателя. Известно, что А.И. Солженицын родился после смерти отца. В связи с отсутствием отцовской любви, его мать Таисия Захаровна всеми своими помыслами ушла в жизнь и устройство будущего для сына. Страшась найти сурового отчима для единственного сына, она даже «принесла себя в жертву сыну и дала обет безбрачия» [5. С. 103].

Ведь женщина не только играет роль хранительницы, в то же время, она воспитывает новое поколение. Мать—первый учитель в жизни человека, поэтому можно сказать, что Таисия Захаровна заняла особое место в жизни писателя.

В первой главе под названием «Координаты судьбы» биографии Солженицына в серии ЖЗЛ Людмила Сараскина рассказывает о том, что прототипами некоторых персонажей романа-эпопеи «Красное Колесо» стали родственники писателя, ведь в детстве писатель рос, опекаемый семейством Щербаков — родителями Таисии Захаровны, тетями и дядями [5. С. 101]. Таким образом, члены семьи Щербак также воспитали писателя вместе с его матерью. Когда А.И. Солженицын начал свои творческие опыты и приступил к созданию произведения, носивше-

го тогда название «Р — 17», он обратился к впечатлениям детства и воспоминаниям о Таисии Захаровне. С точки зрения Людмилы Сараскиной, с которой трудно не согласиться, он почти полностью восстановил историю семейства Щербачевых до революции в кубанских главах романа.

Начало кубанских глав посвящено именно Ирине Томчак, прототипом которой послужила жена старшего брата Таисии Захаровны, т.е. тетя Солженицына. Поэтому образ Ирины находится в числе героинь, которые имеют реальных прототипов. Ирина Томчак впервые появляется в конце второй главы «Августа Четырнадцатого». Когда Саня Лаженицын проезжает мимо экономии, он случайно видит, как на балконе появилась «явная фигурка женщины в белом, — в беспечном белом, нетрудовом. Наверно, молодой. Наверно, прелестной» [6. Т. 1. С. 26]. По описанию писателя можно заметить, что Саня Лаженицын с первого взгляда ощутил теплое чувство от того, что он увидел молодую и прелестную женщину. Таким образом, писатель намекает на некую скрытую связь между героем и героиней, связь, неведомую для них самих. Кроме того, белый цвет одежды Ирины напоминает читателям о специфических чертах характера, которые ассоциируются с этим цветом: чистоплотность, незапятнанность, невинность и добродетель.

В кубанских главах Солженицын описывает яркими красками жизнь землевладельца и его наследников. Говоря о замужестве Ирины, писатель ссылается на позицию ее пожилого отца: «в семнадцать оринных лет подходил уже к смерти и спешил при своих глазах выдать замуж ее, сразу из пансиона. Теперь-то видно: рано. Теперь-то жаль» [6. Т. 1. С. 28]. Хотя с девяти лет она затаила в сердце такого героя, как «Натаниэль Бумпо, куперовский “Соколиный глаз”, бесстрашный благородный воин» [6. Т. 1. С. 79], но она так никогда и не встретила с таким мужчиной, поэтому покорила решению отца: не смела «не только отца покойного упрекать, но не смела ни думать, ни сожалеть о всяком другом жребии» [6. С. 28]. Писатель подробно показывает размышления героини о жизни и замужестве, где можно обнаружить не только разницу между мечтой и реальностью, но и отношение героини к ним. Несмотря на не самый счастливый брак, Ирина Томчак в русле христианской традиции смиренно жила реальностью и ни на что не жаловалась, потому что «душа же верующая утверждает на том, что есть, на том растет — и в этом ее сила» [6. Т. 1. С. 79]. Когда Ирина ездила в церковь после ссоры с мужем, праздничная атмосфера улучшала ее настроение, потому что «все вместе так небесно настроило, а мужнины обиды показались так мелки и ничтожны перед Божьим миром, Божьим замыслом, тут еще и войной» [6. Т. 1. С. 27]. В церкви она просила прощения, хотя совсем не была виновата, а также одним из ее желаний было никогда не ссориться с любимым в будущем. Именно глубокая вера помогала героине справляться с жизненными трудностями.

Стоит также обратить внимание на одну из специфических черт характера героини — мечтательность. С детства она любила помечтать: и хотя никогда не встречалась с героем своей мечты, но сохранила эту привычку. Героиня верила, «что силы потусторонние таинственно действуют рядом с нами» [6. Т. 1. С. 79], помимо этого, ей нравилось «фантазировать о йогах, о теософах, о переселении душ, о красоте вздрагивающей, несбываемой, суженной не тебе, а душам свобод-

ным» [6. Т. 1. С. 303—304]. Ирина всегда любила загадочное в жизни и нередко фантазировала, что, как и вера, в некоторой степени облегчало ее существование и помогало ей забывать огорчения.

Солженицын А.И. уделяет особое внимание отношениям между персонажами. В китайской культуре, к которой относится автор статьи, между невесткой и свекровью часто возникают различные семейные проблемы. Отношения между Ириной и Евдокией Григорьевной относятся как раз к подобному типу. Евдокия Григорьевна предстает хранительницей семьи, обладает качествами матери и жены и продолжает череду женских характеров, созданных русскими классиками.

Важной для понимания авторской концепции служит сцена, где Евдокия Григорьевна, в беспокойстве об отсутствии ребенка у молодых супругов, упрекнула невестку за ее гордость. Этот эпизод отражает разницу в характерах двух поколений. Как автор отмечал ранее, в характере Ирины присутствует кротость: она смирилась с жизнью, выбранной для нее отцом. Но свекровь считала, что характер Ирины определяет именно гордость, граничащая с гордыней, хотя «она сама молилась о кротости и смирении» [6. Т. 1. С. 31]. Ирина выразила свое несогласие с такой точкой зрения, высказав, в свою очередь, мнение о том, что «свекор мог, осердясь, бранить ее за столом, как хотел, и Евдокия Григорьевна все покорно сносила» [6. Т. 1. С. 31]. Здесь кроются глубинные причины раздора в отношениях двух женщин. Помимо прямого изображения недовольства и беспокойства свекрови, Солженицын уделяет особое внимание прямо противоположному отношению Захара Федоровича к Ирине, что выражается следующими описаниями: «на всех в доме мог Захар Федорович кричать, громы метать, — на нее никогда, с первого дня она так себя повела и почувствовала здесь. Правда, и поперек ему она ничего не делала, даже не надевала дома дорогих нарядов и цацек (бриллиантов) из-за того, что он не любил. Верный тон найдя, она умела убеждать его там, где никто, к примиренью с домашними, с другими экономистами. Свекор вздыхал: «Божье дытя ты, Ируша», и уступал» [6. Т. 1. С. 77]. Видя, что Ирина лишена ребенка, Захар Федорович совершил акт большого доверия: дал невестке на воспитание Ксенью, надеясь, что та передаст дочери ее достоинства. Надо сказать, что и Ирина всегда относилась к свекру с восхищением. Она считала, что он — создатель народной жизни, как и ее отец, ей казалось, что Захар Федорович близок к образам народных героев.

В семье Томчака образ Ирины противопоставлен Ксенью с ее западным уклоном (иностранные книги, Эллада, Айседора Дункан). Даже их улыбки отличались друг от друга: «У нее и малая улыбка значила, сколько Ксенин хохот нарастает» [6. Т. 1. С. 41]. Ирина Томчак, в отличие от Ксеньи, дорожила традицией и народными основами, была тесно с ними связана. При их первой встрече Ксенья еще не знала большего упоения, чем «подражать невестке в постах, молитвенном стояньи, в преданности русской старине» [6. С. 40], а спустя некоторое время Ирина печально заметила, что Ксенья смеялась над ней и над так называемой «домашней невоспитанностью» до самого отъезда в ростовскую гимназию. Она пыталась прививать Ксенью жизнь по традиционным устоям, рассказывала о сущности народной жизни. Однако, по мнению Ксеньи, взгляды Ирины были за-

коснелыми и неподвижными. Но в то же время Ксения чувствовала и некоторую правоту Ирины.

Соотношение между персонажами не случайно выстроено таким образом. Как автор уже отмечал, А.И. Солженицын почти полностью восстановил историю своей жизни и семейства Щербак в романе «Красное Колесо». Дедушка Солженицына действительно ласково называл его тетю «божья дытына» [5. С. 67]. Ирина Ивановна, главная героиня кубанских глав, много сделала для своего мужа и Таисии Захаровны: она выкупила мужа у тюремщиков, упростила Захара Федоровича не прерывать учебу Таисии. Можно сказать, что ее поступки стали настоящим подвигом любви. Писатель всегда считал, что его тетя— самоотверженная женщина, понимавшая, что такое настоящий долг [5. С. 37]. В первом узле эпопеи, «Августе Четырнадцатого», способность Ирины к самопожертвованию проявляется именно в форме исполнения долга перед семьей и обществом.

В биографии писателя в главе о жизни Таисии Захаровны Л. Сараскина подчеркивает, что «...Исаакий Солженицын находился на фронте, целых три года, добровольцем. Как высоко должна была ценить такого родственника Ирина, мечтавшая о рыцарских подвигах и самоотверженных мужских поступках — ведь Роман так и просидел в имении всю войну» [5. С. 70]. А в «Красном Колесе» как раз некрасивое поведение мужа и является основной причиной спора между супругами. Писатель показывает, сколь сильно устыдилась Ирина Томчак, с ее «яркой религиозностью и безошибочным пониманием долга, что муж, здоровый 36-летний мужчина, так откровенно манкирует обязанностями военного времени, которые для нее были не пустым звуком» [5. С. 36]. Она невольно смутилась, увидев письмо Ярика Харитоновича из действующей армии на второй день войны. Пока муж уклонялся от ответственности, Ирина, в отличие от него, «рисовала в воображении, как бы бесстрашно вела себя на войне» [6. Т. 4. С. 294], мечтала о героической жизни и в «ту жизнь без сожаления вырвалась бы из своего надоевшего безделья, даже если бы Россия и не была так угрожаема» [6. Т.4. С. 295]. Как видим, мечтательность героини приобретала и такие формы.

Таким образом, Солженицын в эпопее «Красное Колесо» ярко изобразил ситуацию, которая отражает резкое противопоставление смелости жены и духовной слабости мужа. По мнению автора данной статьи, любовь к Родине и чувство ответственности перед ней входят в категорию рыцарства, понимаемую «полсолженицынски», и поведение Ирины можно назвать именно «рыцарским» в данном контексте.

Традиционные женские персонажи часто связываются с таким понятием, как художественный стереотип в литературном произведении: «мужчина — воплощение социально типичных недостатков, женщина — воплощение общественного идеала» [3. С. 64]. Безусловно, они создавались писателями в соответствии с традицией изображения героинь в русской литературе. В них заметны достоинства, которые присущи женским характерам: доброта, честность, наивность, правдивость обычно берут верх над отрицательной стороной их личности.

Образ Ирины Томчак несет в себе те специфические черты, которые часто встречаются в женских характерах классических литературных произведений

XIX века. Сквозь призму ссор с мужем, жизни до замужества и разговоров с Ксенией писателем изображены основные аспекты характера Ирины: смирение, нравственная чистота, благожелательность и мечтательность. Перечисленные черты характера не только совпадают с особенностями прототипов, но в то же время указывают на традиции изображения женского начала в русской культуре. Однако стоит подчеркнуть, что в некоторых аспектах А.И. Солженицын несколько отошел от традиционного понимания женского образа и присущих ему черт. Так, в «Красном Колесе» идеи «рыцарской чести» воплотились не только в характере русского командира и воина полковника Воротынцева, но также некоторые рыцарские черты неожиданно проявились в женском образе — в характере Ирины Томчак.

В современном литературоведении давно уже утвердилась мысль о том, что в «Красном колесе» обнаруживается отказ писателя от традиционного романного протагониста. Действительно, А.И. Солженицын, как Лев Толстой, тщательно «прячет» своего героя в романе-эпопее «Красное Колесо». Сам он указывал многократно на то, что в этом произведении нет главного героя, но в каждой главе существует персонаж, который несет некую организующую функцию. И женские образы не исключение. По мнению А. Урманова, несмотря на то, что мужчины почти всегда занимают доминирующее положение в творчестве А.И. Солженицына, в «Красном Колесе» эта закономерность не всегда работает [1. С. 377]. Одной из героинь, показанных писателем с художественной убедительностью и глубоким пониманием женской души, как раз и является Ирина Томчак. В кубанских главах «Августа Четырнадцатого» А.И. Солженицын особое место уделяет столыпинской реформе в сфере земельного управления, где мужчина должен занять господствующее место, однако именно женщина здесь играет консолидирующую роль.

С одной стороны, писатель отмечает, что Ирина выполняет свои прямые женские обязанности как жены и невестки в семье Томчака. Она выступает в качестве опоры мужа, оберегает его от войны, положительно влияет на свекра и помогает Ксенье.

С другой стороны, «нетрадиционность» женского образа выражается в том, что Ирина и ее взгляды могут влиять на решение остальных членов семьи. Она, в отличие от героинь русских писателей XIX века, может участвовать в решении судьбы мужа и золовки. И здесь одним из важнейших становится принцип компромисса, о котором писал М. Голубков, способен или не способен идти на компромисс герой? [2. С. 96—110]. Компромисс, по Солженицыну, никогда не может быть спасительным и благотворным.

Солженицын знакомит читателей с обстановкой дома Томчаков и членами семьи сквозь призму взгляда героини. По мнению Е.Т. Смыковской, точка зрения Ирины актуализируется повествователем, даже когда она не выражена в активном действии (глава 5 «Августа Четырнадцатого», где Ирины взгляды на воспитание племянницы, выраженные имплицитно, оказываются в противоречии со взглядами Аглаиды Федосеевны) [7. С. 98]. А П.Е. Спиваковский в работе «Символические образы в эпопее А.И. Солженицына “Красное Колесо”» отмечает, что

разговор между Ириной и Ксенией в четвертой главе «Августа Четырнадцатого» имеет символическое значение, поскольку здесь мотив солнечного затмения повторяется в первый раз:

«— Ну, правда же... Если астрономия...

— Да астрономия пусть как угодно, — стояла Оря спокойно на своем. — А вот шел князь Игорь в поход—солнечное затмение. В Куликовскую битву—солнечное затмение. В разгар Северной войны — солнечное затмение. Как военное испытание России — так солнечное затмение» [6. Т. 1. С. 42].

Три примера в данном фрагменте диалога расположены в хронологическом порядке. Исследователь считает, что Ирина не случайно говорит о солнечном затмении. Зная о развитии событий в русской истории, автор может предположить, что слова Ирины в некоторой степени несут в себе намек на неблагоприятную ситуацию, в которой оказалась русская армия в Первой мировой войне. Исследователь подчеркивает, что «с этого момента в тексте “Красного Колеса” актуализируется параллель между событиями неудачного похода Новгород-Северского князя Игоря в 1185 году и Самсоновской катастрофой августа 1914» [8. С. 1]. Таким образом, текст «Августа Четырнадцатого» свидетельствует о сущностной правоте Ирины, сам ход событий указывает на глубинную символическую значимость солнечного затмения и в художественной системе «Красного Колеса», и в исторической реальности. Кроме того, исследователь также указывает на подобную сцену в «Октябре Шестнадцатого»: увидев костры, которые пылали по всей ставропольской степи, Ирина ощутила тревогу, будто «стали на ночлег несчетные кочевники, саранчой идущие на Русь» [6. Т. 4. С. 304]. Кочевники символизируют приближение стихийной и неодолимой силы, страшной и губительной для России. По мнению ученого, эта сцена связывается с предсказанным солнечным затмением. Таким образом, мечтательная натура Ирины Томчак и особая чуткость ее ощущений позволяют ей различать в окружающей действительности некие символы и намеки на грядущее будущее.

Как уже было сказано, некоторые критики утверждают, что мир Солженицына — это «мир мужчин», где женщинам отведено очень мало места. Однако в «Красном Колесе» складывается несколько иная ситуация: здесь можно найти яркие женские образы, которые вполне сопоставимы с мужскими в художественном пространстве книги. Одной из таких героинь является Ирина Томчак. В характере Ирины обнаруживается литературная традиция создания женского образа, но он также обретает и новые специфические черты, присущие именно художественному миру А.И. Солженицына.

© Дзюньжу Би, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Урманов А.В.* Концепция Эроса в творчестве А. Солженицына // Между двумя юбилеями (1998—2003): писатель, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах / Сост. Н.А. Струве, В.А. Москвин. М.: Русский путь, 2005. С. 371—384.
- [2] *Голубков М.М.* Александр Солженицын // Соблазн и трагедия компромисса. М.: Изд-во Московского университета, 1999. С. 96—110.

- [3] Гуськов В.В. Кто раскрутил Красное Колесо? Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010.
- [4] Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство-СПБ, 2002.
- [5] Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2008.
- [6] Солженицын А.И. Красное колесо: повествование в отмеренных сроках в 4 узлах: в 10 т. М.: Воениздат, 1993.
- [7] Смыковская Е.Т. Женские образы А. Солженицына в контексте пасхальной традиции (в примере эпопеи «Красное Колесо») // Вестник РГУ имени С.А. Есенина. 2013. № 3. С. 97—105.
- [8] Сиваковский П.Е. Символические образы в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо». URL: istina.msu.ru.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 февраля 2017

Дата принятия к печати: 3 апреля 2017

Для цитирования:

Би Цзюньжу. Образ Ирины томчак в кубанских главах романа-эпопеи «Красное колесо» А.И. Солженицына // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 2. С. 282—290.

Сведения об авторе:

Дзюньжу Би, аспирант кафедры новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Контактная информация: e-mail: byr1017@mail.ru

THE IMAGE OF IRINA TOMCHAK IN KUBAN CHAPTERS IN THE EPIC NOVEL “THE RED WHEEL” BY A.I. SOLZHENITSYN

Junru Bi

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1st Humanities Building, Moscow, Russia, 119991

The typology of female images in novels “The Red Wheel” has been paid insufficient attention. Describers in the world, which was created by A. I. Solzhenitsyn, are not only masculinity but also female images, because they are not less important than other images created by Solzhenitsyn. Following the classic literary tradition is found in certain types of female characters.

Key words: family history, system of characters, prototype, traditional images of women, A.I. Solzhenitsyn, “The Red Wheel”

REFERANCES

- [1] Urmanov A.V. Kontsepstya erosa v tvorchestve A.Solzhenitsyna [The Concept of Eros in the works of A. Solzhenitsyn. Between the two anniversaries (1998—2003): the Writer, the critics and the

- literary critics about the works of A.I. Solzhenitsyn: the Anthology]. N.A. Struve, V.A. Moskvina. Moscow: Russian way, 2005. P. 371—384.
- [2] Golubkov M.M. Aleksandr Solzhenitsyn [Alexander Solzhenitsyn]. Moscow: MSU publishing house, 1999. P. 96—110.
- [3] Guskov V.V. Kto raskrutil Krasnoye koleso / Sistema kharakterov v istoricheskoi epopeye Aleksandra Solzhenitsyna «Krasnoye koleso» [Who hyped Red Wheel? System of characters in historical epic of Alexander Solzhenitsyn's "The Red Wheel"]. Blagoveshchensk, 2010.
- [4] Lotman Y.M. Besedy o Russkoi culture [Conversations about Russian culture: the Life and traditions of Russian nobility (XVIII—beginning of XIX century)]. 2nd ed. SPb.: Art SPB, 2002.
- [5] Saraskina L.I. Alexander Solzhenitsyn [Alexander Solzhenitsyn]. M.: Molodaya Gvardiya, 2008.
- [6] Solzhenitsyn A.I. Krasnoye Koleso [The Red wheel]. Vol. 4. M.: Voenizdat, 1993.
- [7] Smykovskaya T.E. Zhenskii obrazy Solzhenitsyna v kontekste paskhalnoi traditsii [A. Solzhenitsyn's female characters in the context of easter traditions (on the example of the epic novel "The Red Wheel")]. The Bulletin of RSU named for S.A. Yessenin. 2013. No. 3. P. 97—105.
- [8] Spivakovskiy P.E. Simvolicheskiye obrazy v epopeye Solzhenitsyna «Krasnoye Koleso» [Symbolic images in the epic A.I. Solzhenitsyn's "The Red Wheel"]. Available from: istina.msu.ru

Article history:

Received: 20 February 2017

Revised: 16 March 2017

Accepted: 3 April 2017

For citation:

Bi Junru. (2017) The image of Irina Tomchak in Kuban chapters in the epic novel "The Red well" by A.I. Solzhenitsyn. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (2), 282—290.

Bio Note:

Junru Bi, Phd student of the Department of Russian Literature of the XX century and contemporary literary process, Philological faculty, Moscow Lomonosov state university.

Contacts: e-mail: byr1017@mail.ru